

поэтическая серия

Движение на грани стекла

Самара 2020

Движение на грани стекла:

Антология самарской актуальной поэзии. – Самара: «Цирк «Олимп»+TV», 2020 – 102 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV»

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва) Владимир Друк (Нью-Йорк) Ежи Чех (Познань) Денис Ларионов (Москва) Мария Малиновская (Москва) Дмитрий Веденяпин (Москва) Александр Житенев (Воронеж) Илья Кукулин (Москва) Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Ирина Саморукова Ирина Тартаковская Сергей Лейбград Виталий Лехциер

Основу антологии «Движение на грани стекла» составили подборки, опубликованные в «Антологии актуальной поэзии молодых авторок и авторов Самары» (Цирк Олимп+TV, № 33/66, 2020). К этим подборкам, отчасти расширенным для данного сборника, добавились стихи поэтов, представляющих другие литературные поколения. В целом семнадцать авторов антологии являют собой тот срез профессиональной поэзии, создаваемой сегодня в Самаре, который имеет отношение к актуальному (инновационному, интерречевому, экспериментальному, сложному) поэтическому письму.

Куратор выпуска: Виталий Лехциер

Фотография на обложке: Катя Сим

ISBN 978-5-6044936-4-9

© Цирк Олимп+ТV, 2020

Оглавление

Юрий БАБЕДИНОВ	6
Семен БЕЗГИНОВ	10
Григорий БИТНЕВ	19
Елена БОГАТЫРЁВА	26
Светлана БУБНОВА	29
Галина ЕРМОШИНА	34
Кузьма КУРВИЧ	41
Алексей ЛАРИН	45
Сергей ЛЕЙБГРАД	51
Виталий ЛЕХЦИЕР	58
Кирилл МИРОНОВ	64
София РУБЦОВА	70
Катя СИМ	73
Александр УЛАНОВ	78
Анастасия ХОМЕНКО	86
Олеся ЧЕГАНОВА	90
Александра ШАЛАШОВА	92
Информация об авторах	97

Юрий БАБЕДИНОВ

Три синквейна из заметок

засуха горизонтальная социальная рефлексирует долбит застревает человек — это вектор со множеством координат звезда

орудия древесные скользкие раскаляются дышат падают каток статистики на таможне не останавливается реверберация

сиська хрупкая ледяная мокнет растёт увольняется грядёт эпидемия пиццы стоглавпродукт [этот день редимейд я ставлю на пьедестал не стыдясь]

(смотреть на уробороса загрузки скачать бесплатно) просыпаешься сигаретой: отряхиваешься: берёза с отпечатками лап есенина — или вдвинутый в сладкую вертикаль штангенциркуль тиbегкулёз жемчужины божья дыхания и тире в переломах нугой печеньем текущее в английский окоп: они позвонят лишь когда отдохнёт артиллерия снаряды: ведро размято в сибирское плоскогорье обито искусственным мехом поставлено в красный угол ready-made: солдат стреляет в сборщика мусора через случайного посетителя через отсутствие wi-fi и снова

посетитель чувствует себя ареной щекочет седалище цезарю обжигает пятки толпы орёт и гнет пальцы за всех

чтобы выйти с войны достаточно поднять руку остальное сделают (акушерка) и (концептуалист)

как я мог не заметить полотно под окном

ХВАТИТ КОРМИТЬ МНОГОНОЖКУ ОНА УЖЕ ПЕРЕСЕКАЕТ САМА СЕБЯ

сегменты вчера сегменты уже сейчас первые слова

подожди

я обуваюсь

В последовательности зим от храпа перетёрлась нитка, и поколенная калитка — незапертая, как всегда, и на мороз выходит да — мукой расстрелянной улиткой.

В окно летя, последний мем Становится финальной аркой, Улитка стелет свежий слой, Солдат счищает свой облой — На цоколе перед тюрьмой Лежат открытые подарки.

ели дрались любилипли на муравейник взвесились известились окислились и погасли

баржи плывут чуть повыше трахаясь дымом

или это побочное тело груза

нефть что ещё скажешь уже надумал утренних птиц анемия без этих ваших написано пером и мал золотник

плотность, ударная сила — в итоге сразу в землю сразу в зер кало

буквы желудей и корней в горсти станка

сон льётся из пустого в осторожнее, и мы пришиты к сну как некие погоны и званье сна — ответственный засранец и мысли бьются как в игре убей крота

и талый молот тот самый талый молот

устало долбит дадада нетнет

кроты в(з)рываются к небесным клубням

раз ты ослеп пусть видят все

Время само собирает по краям пенясь, звеня по случаю одному за другим Отребье — и требований нет даже, только гладить до скрипа что нам, — колебания незаметны ветры по будням температура пр(о/е/и)ходящая как настроение графика кромки грызутся, сходятся как записные круги пораженье распахнуто прилетевшим как тесто свободы рвущее обод зрения

Семён БЕЗГИНОВ

Самая рискованная фраза, когда отдаёшь заказанное фото на памятник — «Приходите к нам ещё»

Смотришь, а в городе отходит глад и мор. Улицы рассекают троллей6усы-звездолёты Кубрика

предают заветы Кубрика. Стоп, есть поручня и на левом. Отрыжка героического сока в желудке отравляет В троллейбусах даже у сиденьев поручни. Правда, только на правом ряду. Не умеют ничего доделывать,

Ведь правда, только в былинах сыщешь человека, который крал троллейбусы

стали пряничным домиком. Патриархат убивает лениво, но методично, его агенты убивают удалённо, жертву отечественной журналистки. Она дождалась троллейбусов, но троллейбусы Кубрика патриархально и подло Стагнирующая тёплая осень. Бритвенно больно в новостные ленты впивается бензиновое самовозгорание руками жертвы. Несуществующий в сводках стазис войны вещей обезвученных с вещами, начинающими узнавать речь.

Бесполезная, бездарная футуристическая красота, пропитанная боевыми ядами. Как ехать домой с работы, Провода оборваны, троллейбус вырвался на свободу, замкнул свой круг вокруг остановки, мёртв Восток. если троллейбусы опасны?

Пора выучить урок. Молчание, самоизоляция вещей, знающих в языке толк, многолетняя — это жертва, подарок авторитарными агентам. Агенты убивают, если молчит речь, не озвученная языком вещей, которые ценят речь.

картонными масками авторитарных агентов. Пахнущий бензином каравай, укрытый хлопьями сгоревшей кожи — Вещи, поящие язык, но забывшие речь — молчащие ежегодно, чувствуете ли вы, как ваша кожа диффузирует с и говорящий, и авторитарный, втай в крут, ломай и ешь. Каждый — родитель смерти в мирных условиях.

Печатаю на А4 чертёж троллейбуса, где не открыт отдел полиции, где Арто не о чем писать. Троллейбус, который просто едет до конечной точки, и в этом его единственная функция.

**

И эта красота, на самом деле, при всей ее иллюзорности, существует. Мальвина смотрит на свои подтянутые Но здесь всё такое, как в подпорченной молью плюшевой сказке. Мальвина одевает, подтягивая 100 кг пуза, умелыми руками фото и готова вновь вытирать в туберкулёзном диспансере. своё купленное на окончание школы платье и идёт в фотосалон за красотой.

Скучновато, но вот и практика жизни. Здесь нет фрагментарности, здесь есть осушающая целостность жизни с яркими призами вроде поездки на шашлык с пивом.

И то, что разночитаемо в других местах, других оптиках, здесь все времена будет читаться одинаково.

Социализм требует усреднённого социального участия в каждом другом, до которого дотягивается его сахарный коровий язык

Я тело для воспроизводства текстов только тогда, когда я скажу — я тело для воспроизводства текстов

Они берут винил, вместо того, чтобы слушать из облака — Большая этика напоминает — сначала мы говорим о

разнице того, что можно взвесить и того, что можно увидеть только, когда приедет с доставки курьер Остранение не работает — циркуль Менгеля всегда на фоне в разговоре о привилегиях

Эрзац-кофе разрушенного Берлина образца 45-го года

Это не привилегии, это привЕлегии

Механизм авторитарного — что первично — стремление или организация?

(за тобой стоит скелет, знаешь, сколько ему лет — я в музее не хожу, на скелетов не гляжу) — заимствование, цитата, чужая речь

Мама, а эти советские со своими оргАнами (Органами) разрешат мне опубликовать своё лучшее в своих пучших на языке Гегеля?

Фтизиатр, ортопед, невролог, ЛФК

Отнять у старших детородный аппарат. Уничтожить его. Вы зря называли нас младшими. Репродуктировать цалыше будем мы.

Такой ли жертвенный бык — возможность коммуникации. Даже если это лишит тебя лучшего текста?

Твой внутренний Цензор говорит с другим внутренним Цензором. Другой говорит: «Ты можешь просто не

Прекрати, твои тексты истончаются, сквозь них непреломленно видно другое — тебе стыдно должно быть

Не бойся, это Большая этика — чисто пропускать через себя Другое, если больше нечего сказать

Вагина плохо смотрится на знамени, лучше — в знающем свои возможности теле

Оптики любого феминизма

Требуют тотального пересмотра

После того, как протесты белых воротничков перестали пахнуть марихуаной и менструацией, превратилися в монокристалл Попадешься к этим — станешь навозом для свежих огурчатых стихов их, хоть формально их словами — ты огурец — своё тело — лучшее

Только стой ровно и не рви подвязь, когда из твоего тела салат слов режут

Огурцу больно, когда его внутренние ткани жжёт майонез.

Ай-ай-айаяяяйяяй

Общепит, советские пельмени вкусные.

Движение на грани стекла. Антология самарской актуальной поэзии

14

Балансирующей на сломанной ножке стола Кристине, распечатывающей и правящей одновременно 80 листов

Кизнь спального снулой горбушей второго сорта размеренно идёт куда-то вбок. лянцевой, показывают убийство дворовой собаки дорогим автомобилем.

рамотка, напечатанная на обрезках клиентов: «Держала слона за кокошки, сканировала и не пищала» Зобаку, правда, к счастью убивали не на точке, а за окошком

Котя снулых клиентов точки это не перепугало бы

Тросто новая услуга — убийство собаки на точке и ксерокопированиё её паспорта (исполняется впервые) Бабушка, которая в контакте с гуками, кричит «Ты у меня украл», и копается в расхристанных залежах ротобумаги Равномерно наступает осень, инопланетяне, сломанный стул и 20 визиток, вырезанных тупыми ножницами для перепуганного спальной жизнью сетевого торговца

Вопрос — а когда наступает срок преподавателю музыки посмотреть в космос

квалиться молиться мифическим чудищам (или пугать ими) они давно стали плиткой торговых центров

в этой молитве — нищета

натянутого бумагой на каркас колючих скрепок

деформированной жирными пятнами коробочного вина

да, несомненно людям хватит жестокости по живому из любых букв выкидывать имена но оставим им их жестокости как океанским днам оставлены выщербленные зубы линкора Мировой

пресное ни металлическое, ни черепашье, ни мастерское, ни ленинское твёрдое не часто круглое круглое вовсе не тёплое

Часовой механизм//В котором сломалась онтология//Извините, ваша онтология полосит которые зарастают

но хватит играть в прилагательные, когда они часть плитки, скрепляющей времена

Распечатайте мне другую

спать в костях кита — легко и древесно

с некоторых пор я не вижу опасности в мифических чудовищах

если помнить

очевидность — лучшее оружие против насилия

что это кости кита

я перестаю кормить мифических чудовищ я прибираюсь в своих словах

раскидываю их испорченными ксероксом дубовыми листами

Движение на грани стекла. Антология самарской актуальной поэзии

моё Другое — теперь очевидно ... я строю город. Надо простить тех, кто рефлекторно выходит на улицы, когда на них жарит пирожки ОМОН

Зерно протеста слишком сырое//Гонится за кручёным боке// Не считает количество станков в стране

Ритуальные изгнания поэтов диктатором, ритуальные обличения диктаторов поэтами

Свет убивает плёнку, матрицу, чтобы остаться осязаемым долго — ритуальное позже придумают люди, а сейчас это движение Мира

Протесты или отсутствие протестов — голос Мира, исключающий человеческую волю

Рефлекторное ожидание чуда от любой рациональной смены оптики, вода испаряется из стакана, и однажды циктатор умрёт, поперхнувшись этими каплями

Ритуальный оргазм: «А наконец-то мальчика убили»

Раздувается неведомо, подспудно, телесно ощутимо давлением водяной линзы под всё тяжелеющим зданием (и Вещь, которая отказывается от ритуального, не лишается социального контракта на право коммуникаций, а просто перестаёт существовать в ритуальной картине Мира//Щебечет камушком в окровавленном кеде// нарывает в период протестов)

Ритуальные протесты — время коротких знаков

Миром вещей

Вот вопрос — как мы, не ощущая камушков тропки, прошли путь от тяжёлых налогов, диктаторов, избитых

мальчиков до жертвенного заклания

Путь от осознаваемого до карнавального не становится для каждой вещи трудным, сколько бы не было стёрто

Наверное, я так часто читаю о протестах, чтобы почувствовать, как меня правильно убили

Рефлекторность ритуальности — способ говорить с Миром, или уходить от вещей?

Как долго будет ощущаться смерть тела теми, сделал это сейчас. Станет ли связным для них Мир после?

Вяленые карпы советских дач объявили войну пивным мужичкам во имя смерти всех рыб

История всяк хороша, чем якобы не завершается, скелетом рыбным или человечьим

Что будет, если изобразить несуществующим всё, что порождает насилие?

Удочка встаёт на сторону рыб и вспарывает ярёмную вену рыбака

Вещь объявляет врагом каждый винт, даже тот, на котором держится смерть

Поэты вашей ориентации

И помните — предавать Родину нужно по субботам, по одной ложечке в день

Движение на грани стекла. Антология самарской актуальной поэзии

архитектурой зданий уничтожается дизайнерские гайд-лайны сетевых маркетов стачан Миром новый человек — арахнофил, арахнофоб, арахнофаг

архитектурой зданий уничтожается дизайнерские гайд-лайны сете геперь можно объявлять независимость в других местах — «Это единственно правильный майонез». Я выхожу на улицу с красным фотоаппаратом и фотографирую только красное В родовых преданиях сказано, иные цвета — цвета измены и отчаянья

Но сдвигаться надо в другое —

Когда колористика чужих протестов — для тебя неосознанно — красный свет твоих ортохроматических текстов

Советские школьники — это дух эксперимента, утопии в действии, съевшей их мясо

Юстировка себя — не юстировка механизма — барабан выдержек может сорваться с цапонлака — и прожив 50, Почему механизм должен работать, почему он не может быть сломан и быть прекрасным? гы себя юстируешь заново в эту важную для себя минуту

И тот сосед, который следил за нами в бинокль десять лет, увидев, как мы заклеиваем чёрным окна для фотостудии, тут же звонит в милицию

:

День как день, а ты опять Кибальчиш

Григорий БИТНЕВ

Мышление:

Я хожу в ботинках Они спасают от десятков тысяч ударов о гранит и асфальт от битого мусора на дорогах от холода пути

Так хорошо ступать по земле по тропам сухо по тропинкам твёрдо по несмятой траве приятно, но ботинки промокают быстро это на весь день

Сложно заработать на ботинки впору по ноге и времени Потому мозоли прелости привычки Потому так рад когда вдруг как раз;

Я прихожу к Ван Гогу, Он наливает стакан воды, я отхлёбываю и дышу, цежу его, дорожу, говорю спасибо и ухожу;

Прихожу в кино, беру бутылку ноль-пять без газа, маленькими глотками со вздохами выпиваю;

Открываю ленту, купаюсь в реке, брызгаю водой в друга,

А на той стороне стоит хижина старика-лодочника, который сидит на циновке и вглядывается в течение, не радуясь и не печалясь, смиренней травинки, терпеливее дерева впитывает силу потока... может он нас переправит.

Движение на грани стекла. Антология самарской актуальной поэзии

Людей насадили на копии копии копии

Утро начинается не с варенья не с радости

Свобода выбора действий это свобода выбора недопросчитываемых последствий,

т.е. приходится ориентироваться по компасу ценностей

не забывая, что он принадлежит нам, а не мы им.

Выдохи выкрики возгласы другой стороной дороги

брызги отпрыгнул волна задержал дыхание

будет потоп?

Что бы ни желалось нас уже много

мы остаёмся вместе слуги слуги слуги

Меня хорошо слышно?

Встану Положу взгляд на эти холмы обопрусь Солнце погладит спокойно, обнимет

Буду внутри отдыхать внимательно расслабляясь

Родные просторы сладки

И ошибка Похоже на метафору а это всего лишь правда.

Время

По воде невидимой и быстрой Уплывает сердце человека. Ольга Седакова

Рюкзаку на спине вечно чучуть неудобно, Наверное плечи кривые.

Когда холодно, на пальто его не наденешь — весь вид портит.

Летом мгновенно спина потеет.

В нём с собой вся жизнь: Документы, блокноты, зарядки, штучки, кошелёк, ключи, пластырь, таблетка от головы, место про запас и всякий скар...

Уже молния разошлась, Скоро лямки рвутся, Застегну его в одну сторону до конца

И авось дойду я Навстречу солнцу Втудысь, где не странно плечам без него.

Существовать

Погружаюсь в метро как в пенку крема вафельной трубочки.

В детстве у меня не было метро, но были трубочки, я любил их.
Теперь наоборот.

Поезда снуют как огурцы /или арбузы из детских загадок/, //будьте взаимно//, //не забывайте//, /на воре шапка горит/, моя шапка рыжа и мокра.

Вечно я сомневаюсь, Нужно ли то, что я

Надо позволить.

Дождь как дерево забирался в город

Деревья похожи на медленный взрыв, захватывающий место

Как дождь собирался в трамвайной шпале

Дерево-четвёрка взрослое за ограду не смело Там школа, охранник, ночь

Нам фонарь сверкает в каждой на ветке капле

Мы тогда обижались, что стоило нам мгновений.

Поручение распылитель

Лимонный сок вымывает из седых волос Холодная вода, меняя во мне точку отсчёта. Банан подходит ко всему, но от этого Не менее не местный.

То-то дада давно отказался от попыток на нас повлиять. Сердце вырезано из ровного нежно оранжевого листа. Два сердца. Я вижу, что от него осталось. Сквозь видно зелень и личико.

Падающая комета соска Запутала слово внутри стола. Сливки сладки настолько, На сколько годков моё тело старше меня;

Или же Мнимый свет? Тени стоят на стенах, Брызги и горсть пробелов. Солнце дождётся наших успехов.

Псы войны стали Договорами 2018 и на досуге играют в группе ((сучки-воровки)).

Жизнь Чвана состояла из пота,
Пока его не спасла противосамоубийственная сетка.
С тех пор она состоит из затылка.
Чужой затылок стремнее чужого потолка.
Но ни в том, ни в этом Чван не видел толка.
Пока игла не оказалась грязной.
С тех пор его жизнь состоит из крови.
Чужая кровь стремнее своей снаружи.
И коробки вокруг жужжат (от ран?).
Но закончился Чван потому что хотел.
Может будет полегче начать с нуля?

Елена БОГАТЫРЁВА

зажигать огонь можно по-разному для кого-то сойдёт стёклышко, валяющееся на обочине кому-то нужны спички, если не завёл зажигалку кто-то шпарит коктейль Молотова огонь кажется хорошей метафорой и для того, кто отвернётся от конкретных поводов и найдёт свой способ обрести мир прикосновения воздуха делают пламя прозрачным не только грёзы духовидца проявляют значение бесплотного беспилотная телепортация медиа распределяет видимые значения на бесплатное приложение в сети

А завтра

Анне Гальберштадт

мойры попали под сокращение харон заболел пневмонией остальные на самоизоляции заменить некем порядки другие, если это порядок каналы отечественного ТВ не решают проблемы никто вместе с Орловой больше не поёт марш энтузиастов никого не радуют скидки и парад победы Голливуд отдыхает в прямом и переносном смысле слова слова не выносят новостной ленты редкие прохожие смотрят на тебя напряженно человеку нужен человек читается как вирусу человек подходит не подходите ко мне на расстояние 1,5, лучше 2 метра совсем мне не подходите мир теряет горизонт событий человек вместе с богами уходит со сцены картина не ожидали

когда всё ясно и ничего уже не поделать, сны разве что остаются

так твоя надежда уходит в сон пусть я тебе приснюсь, пишет не стесняясь мессенджер, не изменить разлуку

так всё твоё будущее тебе только приснилось, а хорошо звучало в нём твоё произведение и дирижировать оркестром тебе понравилось

привет! сказала Ева спящему, — слова здесь тоже работают, с машиной я договорюсь

у меня нет тоски Майлз
по твоей вездешности
заведу собаку
она не будет меня ненавидеть
как и цветы
распустятся утром
тихо пошлют свой привет
не нужно вертеть словом
чтобы ответить

Парафраз на стихи Ивана Ахметьева

1

пауза, которую я сделаю, прежде чем поставить вам лайк, скажет вам больше

2

ничего не обойдётся, будет другое, после всего обязательно куда нам плыть, плыть некуда, останемся здесь

сегодня я встретило то, что не имело смысла, язык, отражающий реальность

вот только котику надоело быть двоичным кодом, прыгнул я на руки, лизнул, люби меня, детка, ты слишком со мной молчалива, поверь, здесь больше не обитают тени, не обернуться на то, что показываю, нужны ли нам знаки

земные истории редко дружат иногда они уходят под воду всплыть островом (почему не континентом?) тоже случается кому только тот принадлежит

слова стоят как стоят не важно что писать за борщ тоже расстреливают дело не в тридцати сребрениках

Светлана БУБНОВА

прорастание из дыхания в спёртое я из толпы вызревает жёлтое похожее не совсем на между заколками-лицами пролегает тень

оторвавшийся палец возымел страсть власть неприступна что ты сделаешь человеку что ты смешаешь человека с кожей плотородная грудь самбукуса качается над утопленником

под колодцем всё слышно спрятанные волосяные глаза подсматривают то что неосязаемо больно стоит на пороге дырявые щеки как обычно пусты что могу я сказать разрозненное единое тело ни вымыть ноги перед обедом ни стоптать новые калоши пятки закидывать за уши и крутиться крутиться...

и всё разрешится в моё отсутствие

липко и холодно в твоей гостиной где ещё одна кисть онемела в масле

где ты предлагаешь нарисовать мое лицо

в гладком сиденье я скована чужой кожей ты рвал мои мёртвые волосы спиливал воск с кожи чтобы слепить свечу

и отнести в церковь с лицами и именами стёртыми молитвами чистую и блестящую

в которую я хожу каждое воскресенье чтобы вспомнить что бога нет что он подавился хлебом который не всходит на этих полях

оплёванных отцовской гордостью за мою девственность

лиши меня красоты и я стану святой и мне будут ставить свечи которые никогда не сгорают

мне приснился большой человек он раскрывал свою пасть во все лицо и уходил в пол

я не могла его напугать только голос мой изменился отражаясь в зеркале стал зверем

смех до чёрствого хлеба до разбухшего рыбьего рта ком выкатившийся на поверхность что делать с ним

громче смеются и умирают на выставках обнажённая кожа всегда кажется срезанной с живого тела

всегда кажется, что мы знали не прикасаться

когда я стала всматриваться в лицо оно показалось мне странно знакомым как будто глаза воробья пересекали хлебные крошки

как будто всё что я помнила было похоже на голос перекроивший тишину в новое тело не имевшее стороны

как будто всё что я ждала теперь (не)было потому что зёрнышко пережевала земля

и ничто не взошло

я не помню тебя худощавая и внезапная ты случалась где-то ещё

твой образ не собирается заново только руки такие огромные размазывают телесность

пустокрылыми отблесками стволов остаётся печаль единственное, что я могу дать тебе что поможет мне не ослепнуть до прикосновения

ночь — падение яблок треск горбатых и грузных рожениц

мёртвая трава завершает рождение

сон/к выжигает эмаль на неокрепших стволах белых деревьев

потоки между твоими складками образуют блестящие волосы согревают ступни и плечи

из полуоткрытого рта вылетает бабочка

пыльца её крыльев упала в брусничные руки впиталась в колодезный голос и проросла белым стволом заполняя тело травы

в тонких складках твоей мерцающей кожи рождается свет

бессилье и злость как рыба рот открывает пытаясь дышать

глубже глубже и всё темнее

язык выделяет слова в бессилье чернилами на плотной бумаге

и гордо встречает свою смерть мол смотри что я сделал ради тебя

и то, что мы говорили отделилось и превратилось в звук чужой и неузнанный

и говорить стало то же что пить волосы растущие и густые что мы задыхались пытаясь насытиться жирной рекой

и мычание наше стало похоже на вопль диких животных отторгающих пламя

Галина ЕРМОШИНА

Ночь отделяет темноту от кожи, по веткам кирпичные тени наклоняют воду ресниц моста. Просто под правой лопат-кой сосновые скользят спиралью тесных птиц за крошками четверга. От чужих капель до заброшенного рассказа о тумане без проёмов длительности. Так путешествие становится остановкой пустых окаменелостей холодной бумаги.

Снимок твердеет по краям гладкого письма, обрываясь в жёлтое с вязким интервалом сжатия поперёк угольного света. Коробки ключей не успевают за смещением геометрий разлома сквозь себя, и несогласие вырезает солнечное пятно неосторожности. Движение опасается повторных опечаток, ловкость локтей и далеких катастроф — как ошибка контурной плоскости черновиков. Гордость географа предупреждает разницу свидетелей, трещин и рельефов, добавляя к смещению обычную погрешность равной радости.

На скомканном стекле пустые линии длинного неба сопровождают зазубрины ветра, отрезанные от белизны. Поделиться слепотой гипса и соли, смытой усталости беззаботных лезвий. Там, между хрустящих белых графиков гласные острия подбираются к безнадежно-сверкающей маске в белой ненавязчивости сквозь проникающую жару. Она втекает и крошится, тягучая ржавая игла поперечного зрения, картавая закладка сломанного ключа, которой никогда не доверял раньше. На сгибе воды вывернутого наизнанку листа. Вслух к запертой двери, угольная пыль дверной ручки, или что там осталось от всех расплавленных и приколотых, где росли маленькие зелёные абрикосы. Между сквозным равноденствием сжатые кристаллы расколотого воздуха. Дыхание ждёт, чтобы стать сплошным контуром света. Опираясь только на ледяное зрение, когда кипящий рельеф врастает в горло своей глубиной.

Чёрно-белый рим треугольной оптики выпивает мозаику солнечных волн, стрелы ударяют в отражения световых перьев между сросшейся воды. Ожог бьётся внутри линий компаса, царапает развёрнутое. Расползается гипсовый узел, стекает бережное стекло, вращая песчинку берега на гончарном бормотании. Здесь можно и оставить эту ось памяти в осколках нового холода. Всё равно её срежет равномерное безразличие каменного пунктира.

Расстояние, с которого не увидеть. Этот дом слишком привязан к тёплым крапивным зернам, к их мёртвым семенам, что земля проталкивает сквозь свою тяжесть. Отражение зрачка оправдывает кривизну, ползущую мимо шрамов дверей и окон. Соль врастает в пепел, отпечаток длительности от листа к древесине удерживает лезвие песка на своей стороне. Сжатая осторожность иголки пульса царапает безнадёжную фотопластинку горького неба.

Чем она гуще, когда укол секунды в монолит трещины — крепче дыма жёлтые и круглые, тем медленнее они собирают раскрошенное, но всегда вовремя. Без выветривания. Где цилиндры плесени на стыках гладкого объёма врастают в звенящую яркость кипящей дуги из песка. Горький интервал между скошенной кровлей и острыми шрамами календаря добавляет сквозняк артерии на просвет соли. Мятные руки ртути отпустили всплывающий плеск, до щелчка отдельного снега — так заживает наст. Потом вспышки — медные двойники белизны в сетке почвы. Обожжённый хрусталик привыкает к мягкой извести, рассыпанной по этим лестницам. Движение на грани стекла вдоль всей северной стороны — всего лишь засыхающий ландшафт, закладка в аквариуме воздуха. Вдоль распоротой акации, прошитой мелом стены, меняя осторожность на солнечный пульс.

Глаза открываются к северу, скрип и песок её медленного корабля, отправляйся за ржавчиной золотой лодки. Червивым сном черпая пепел узелкового письма. Синий цвет обрывается дальше подсчета шагов. Кто бросает камни, спокойные или безразличные, та египетская разница — крылатые львы, плоский воск тишины.

* * *

Потом ему уплывать из этой книги мёртвых, запечатанной острием воды в четыре слоя пергамента.

Угольные кубики расколотых набережных текут в трещинах воды. Если много и быстро, то бессонница гладит рыбыми рёбрами, гладкими длинными иглами. Еще с теми, кто всегда над ними — голодом, если плыть ночью. Когда вышел из главных ворот и течёт глазами вдоль всех гласных букв, ближе к почтовым ящикам нервные рыбы в трещинах неба

Белые птицы выглядят осторожнее и беззащитнее серых и чёрных.

Малая вавилонская башня, серая дорога вверх сама закручивает раковину надёжным разворотом внутрь. Упавшая вдоль берега посреди тени, ловись, непойманная по ветру.

Лестницы не убираются и крошатся, деревянные — на занозы, каменные — на пыль. Чтобы сохранить — крашеные ступени в белое небо.

Город исчерканного стрижами неба и непойманного свиста. Родосские губки царапаются и просят моря, приходится приносить йоту и йоду в руках, хотя соль обычная поваренная — не морская, всё же лучше, чем в кране. Не жалуются, пьют. Время все незаметнее, едва успеваешь увидеть, как оно проходит сквозь полночь и становится чёрным и густым.

Где ещё не быть только буквами ударяя о буквы, двойные вместо протяжных, неустойчивые до угольного и мятного, вливая в пульс застывающую неравномерность. Передавая ветер из рук в воздух, агаты и другое чёрное вулканическое стекло в землю, по которой никто не ходит. «Поднимаю камень твой вместе с твоей печалью». Они просто были разными, если долго идти и не собирать, а только смотреть. Приводили к белым колодцам и смоляным озерам, говорящих на всех керамических наречиях, раскладывая путаницу в пыль. Острое под головой, так по песку как по глине, где ничего нет.

Которую держит насквозь воздух залит медным хрустом и дрожанием. Когда серебро над водой меньше ещё на один день с севера тяжелее, с востока мельче и круглее, а шпили прополоты улитками двенадцатью на четыре. Там бог уходит в каменный лес изрезанных мёртвых веретен, кружатся в вышине, пьют олово трубчатого звона и пустую склонённость желобов и арок. Изъеденная известью изнутри, кружево крошева и перепончатый обод, следить за наследством здесь можно стоя спиной. А свод паутины из трещин и швов разворачивает корни из темноты, держится долгими гласными, подкожными иглами. И выцарапываясь из земляного и круглого, прорастая узким и шершавым, складчатыми крыльями опираясь на рёбра каменных лучей, запирает и окружает памятью зрячей руки. Проколотая и приколотая, рвёт свет равномерных шагов длиною жёсткой волны и уводит в себя.

В те ветреные дни, когда молчание разматывает дом, а печная труба из белёного кирпича притягивает дрожащее водяное солнце, лучше всего писать письма на языке, который никто не понимает.

Когда сравнишь виту и воду, завари сушёный барбарис, по плотным стенкам стечёт ржавчина и сажа, в бочках и земляных камнях заведётся сырость и тяжесть. Теперь темнеет прямо в руках стёкол внутрь ольхи и ореха, рассказывая тяжесть голове, а песок кротовым норам. Вот и глаза заросли повителью, её хватает на кору, изгородь и цветочные грядки. И тебе не нужны ни тмин, ни корица, только прибыль сушёной полыни и шёлковые отмычки на топких половицах и гремящих листьях. Пока между дорогой и разговором не вырастет тень от полудня до полуночи. Где подземная вода умирает в кувшинах, а взвесь каменной скрепки берега поднимает вровень лодки лба с ворованного репейника. Золотая стружка треснувшего колокола застряла в раковине, свернулась в затылочной коме, оглохшая изнутри. Три удара в минуту оказываются прочнее, чем яблочная тень.

Лучше всего потом и не вспоминать застрявшие в древесных трещинах слова и разломы голоса. А если не окажется его нигде, то остается слушать осенних пчёл, обменявших жало на терновые шипы.

* *

Карамельный ад, добровольный свет в липких размытых контурах. Две стены стоящие без стен. Трещины по буквам и слова, произнесённые, чтобы исчезнуть в самих себе. Проем между вечером и ночью, справляйся сам со своим отсутствием. Он пропадает из времени, оставляет закладку в раковине. А море пытается сбежать из близкого никуда в ещё более близкое там, а здесь перестает быть. Умещается в самом быстром змеином языке, что чертит по карте путь из дороги. Вспышки непроизносимой воды, запертой во рту скорпионов и древесного растаявшего камня. Круги чёрных коленчатых стеблей стекают в жёсткую прозрачность. И она остается пустой с тёмной точкой в середине, через лабиринт следов в тень знака бесконечности. Теперь каждый в своем исчезании, протяжном проникновении, длить и истончать в нить каменный камень.

Дом, чтобы уйти, орехи собирают темноту, защищаясь скорлупой. Гладкие дороги сна, пробираясь сквозь мраморную одежду, по замерзающему воздуху, талой пленкой по острым окнам, по золотым оспинам, держа в руках колючие и острые. Сравнивая длину и скорость замерзания лучей, когда они прокалывают речь дня к бесконечным коридорам. У ожидания твёрдые углы и держащийся за прочность невозможный ответ. С другой стороны сна, когда пишет там твоё имя, оставляет знак своего присутствия, чтобы вернее потеряться. Которое из них у тебя есть — донное небо, на ночной половине от огня не убежишь. Теперь только прятаться и перестать считать время. Та, которая зовёт, всегда невозможна, забытая вода вырастает из памяти.

+ * *

Внутри него двоеточие, задержавшееся на паузе выдоха, одна ладонь возле смерти, другую ищут вторую сотню лет. Бронзовое многоголосье закрывают руками протяжённого шипения и скрежета. Чтобы не просыпались, обложили льдом, затянули насквозь бетонной сетью. Застряли свёрнутые в промежутке между губами травы и трубящей тьмой под опускающимся потолком.

Скольжение, расколотое надвое, и папирус наклонился грифельным отпечатком, стального цвета вырастают из земли, потом врастают обратно, остановившись на полпути. Земляное море нарастило свои тяжёлые раковины, прижало. Каменные книги, переплетами вверх, кто их там читает?

Жёлтой сеткой земли под острыми треугольниками, где железная трава растёт сквозь ступни, и деревянные настилы не пускают туда, где внутри глубины заканчиваются её бумажные руки, древесные рукава. Чёрным поводырём над ними шар, вырастающий из тени.

Вместо обугленных чернил мокрые надписи на римском языке. Пластиковый сон круглых окон зачёркнут бумажным карантином. Между ними, сжимая осиную жгучую пыль, продолжают тонуть венеция и атлантида под ржавым льдом бетонных влажных рыб. Там, где длинные буквы горят во рту гремучих львов, стекают в соломенные гладкие ямы.

Молчит греческим языком в синих решётках рыбьих тугой орнамент разворачивает а они дышат сквозь тёмное стекло плавников шелухой и известью. Жестяные весы по ситу скамейки мурашки стены между трещин каменные глухие голоса вдоль синего потолка и соль в изголовье. И не нужна ему пролитая латынь.

* * *

* * *

Гладкие пальцы воздуха скрипящие числа режут нежность ржавчины на жёлтой бумаге зимние весла подползает под кожей древесного барабана ледяного маяка обсыпанного зернами молчащего песка.

Двойными воротами заслонился от неба, разноцветные стекла внутри барабана, иголка кораблекрушения, обломившийся коралл, обросший черепицей. Сплошной затылок земли, ударяясь о низкие балки, складывает вокруг себя хлопок, сыр, воск, оливковое масло и соль, прикрученные ржавыми болтами.

Пустое дерево в окне с гладким стволом, здесь ржавая память этого одинокого моря сдирает кожу тусклого вулкана. Там — обнаженная ловушка дна. Страх в очереди за страхом. Не мешай ему исчезать в глубокой надписи поперёк рыбьего хлама шипящих двоеточий.

Спиной к мёртвому крику спокойному камню тот кто покинул время бросил всех говорящих для письма горящих слов замороженных безымянных границ под чёрным зеркалом молчащей скорости гладкой травы.

Где открывают кровь границы сумерки гравий питается песком. Какие тут письма илистая тьма и сквозняк от корней. Здешние обломки моста позади холод аккуратно разбитого термометра. Чтобы увидеть достаточно написать его имя. Больше нет ничего только поезд внимательно округляет числа.

Плавучая баня

Деревья по Жигулевскому холму Заходят в Волгу строем как воины. Или это не холм, А копошится просто зелёная масса, Но всё равно сползает в Волгу? Главное, что сейчас я на плавучей бане, Севшей на огромную корягу. И баржа неподалёку — Тоже в чём-то плавучая баня. Волга — это не река. Волга — это шумные пьяницы, Забегающие в шипящую воду Во время ноябрьского снегопада, Стеснённые плотинами, Ходящие в гости друг к другу Через турбины.

Медведь-наоборот

Медведь наоборот — Когтями-клыками вовнутрь, Малиной-мёдом наружу, С нутром шерстяным в котором тепло, И шкурой блестящей, с которой светло. На брюхе лежу у тебя есть весло, Поэтому ты поплывёшь. Лапы мохнатой высосешь мощь. В роще березовой озера нету — Плавать возможно лишь верхом на медведе.

Надо чаще смотреть в зеркало

Когда меньше рост, То ближе к земле. Как же редко зрелый самец Становится на четвереньки Пронюхивать почву, А самка только во время секса Прогибается в муравейник Облизывать слюнявые палочки Приятно кисленькие.

Резвые пингвины пробираются к океану, Неминуемо наступая на крикливых морских львов, Недовольных и возмущённых, Но малоподвижных с набитыми животами. Невозможно воспринимать всерьёз.

Антидот

Нужно вводить антидот (например, иронию)
В тело рассказа о жизни,
Чтобы не отравиться
Чтобы не проблеваться
От этих реалий.
Можно и дальше бросаться друг в друга
Непереваренными кусками,
Необезвреженными фрагментами текста,
Если вы друг друга не цените,
Друг для друга если вы
Не хотите быть больше
Бодрящей почвой.

Энзимы

Видел рекламу в которой Рассказывали про стиральный порошок, Содержащий пищеварительные ферменты. Я решил, что можно сделать Стиральную машину из желудка. Глотать бельё, а потом выблёвывать, Выжимать во рту... Я всегда Был против технического прогресса, Я за самосовершенствование!

Шкаф-кафе

Залезть в шкаф Среди осенних плащей И зимних шуб. С ней или с ним. Оставить снимок. Зажечь благовония. Ржать. Просить прибавить Или убавить Музыку. Просить подать бутылочку пива. Так что непонятно уже — Шкаф-купе Или шкаф-кафе? Романтический Ароматический вечер.

Юля предупредила меня, Что размер её носа Далёк от окончательного. Нос непременно вырастёт. «Обрати внимание, — сказала она. — Насколько нос не такой, как прежде Кроме того, количество пальцев на руках К 30-ти годам вместо 10-ти Составит как минимум 15-ть. На ногах пальцев не будет, Потому что ноги отвалятся. Вместо ног вырастет одна огромная щупальца. Голова усеется чешуёй И вместо шара станет кубом. Остальные части тела покроются шерстью, Похожей на ту, что растёт на нашем пледе. Все внутренние органы

Заменятся одним очень большим внешним».

Юля о многом успела предупредить меня этим утром.

Дерево растёт в степи / дерево растет в лесу — Дерево растет одно.

Затвердевшая речь коры набухает предутренней влагой — неразлагаемый след, унаследованный от ночи. Круги на подушечках пальцев удивляются алфавиту кругов внутри дерева. Дух — это камень, заброшенный в озеро тела, и кумулятивная струйка по центру колец, возможно, является жизнью ([пока не достигнуто камнем дно]).

Момент удивления ветром себя окружает, что схож с языком внутри. Я не проникну в дерево, оно не проникнет в меня по молчаливому гостеприимству. Однако, каждый в разном движенье своём расходясь, оставляет другому след как ещё одно непрочитанное/ не заполненное прочитанностью пространство, словно сумрак новорождённый, где неизвестно ещё, на какое имя наткнёшься, обратившись в кого —

Нулевое событие

Когда на Норильской ТЭЦ-2 в ходе ремонтных работ произошло возгорание, один человек погиб. Из-за сбоя 3-ий энергоблок станции был отключён, в результате чего ТЭЦ снизила рабочую мощность на 100 МВт. Но, как говорят в Минэнерго, «последствий для потребителей не было».

109K

В то время, когда все маршрутки набиты, воздух зажат и труден, однако в обратной стороне пассажиров — сквозняк. Пустое тело принимает формы взглядов: То ли снова над 116 районом химические выбросы, то ли это тела достигли промышленной концентрации (продолжаются судебные разбирательства в отношении НПЗ по делу о превышении ПДК загрязняющих веществ — побеждает зеркальность).

Процесс маршрутки происходит фоном, словно зуд ампутированной руки.

Ребёнок облизывает стекло языком и аккумулирует вирусы, поэтому каждое перековерканное слово взрывается — разлетаются обломки запретов и пыль объяснений. Однако с каждой остановкой сыночек расслабленнее, и мать спокойно (по наследству) боится, когда голос сына симулирует его же тело, тем самым сподобится мужу, который пропал прошлым днём или прошлым годом.

Совокупные расходы регионов на общественный транспорт в 2018 году — 560 млрд руб. Из них на Москву — 391 млрд., потом Санкт Петербург — 57 млрд. и Московская область — 8,1 млрд.

[Поезда пространство рвут во снах, а в чьей-то жизни пролетают самолёты — Поёт, не помня, Пенелопа Южки]

Я плачу своим голосом ради молчаливой способности Проделывать осязаемые ходы в стволе перемещения «...от остановки до остановки и от остановки до остановки и...» [Этот городской дурачок, наверное, не работает, А целыми днями катается] Здесь дерево росло? Закатное солнце слизнуло лобовое стекло —

Доисторическое

Глаза приоткрыты, словно лесная тропка неназванного зверька. И ветру другого внимания не преодолеть влажную, сумеречную траву, чей голос скрыт в твоих волосах...

А земля — и не плоскость уже, и не сфера ещё. Воскресение (Потому что будильники отключены)

Занавески и свет, меняющиеся материей, вместе легче, чем слово «лабиринт» перека — тывающееся ледышкой под языком

. Между соседями проговаривается кристаллическая решётка взаимных позиций (— дневной путь, от я до ты не начат. И вещи не скрылись пока в лингвистических тупиках)

Струны гитары не перестают вибрировать, Словно усы котёнка, спящего рядом с тобой (громкий клубок, расплетённый на медленные нити напоминающие о ландшафте [])

И это не «тишина», но ожидание тишины [Колебанья степи на границе Мурманска и Братиславы / Здесь коровы со смутными именами, которых никто не гонит домой] [И бредут туда, где трава темнее]

На ресницах уже ускоряется пустота, набирает массу, становится ещё одним светом

До обретения скорости мы способны ещё различать друг друга

Попрошайка

На границах Между языками Чёрно-белые дети С нефтяными глазами

Слепящее белое солнце раскрытия, Словно отцовское «Определись», Высушивает до слоистого списка: формулы, вводные конструкции, тавтологии, комментарии, сноски, цитаты и т.п. — Археологический материал, который ношу с собой, Чтобы узнали снова и поздоровались.

Влага непереводимого возвращается блэкаутами (тёмные места соединены грибницей сна).

FRAGMENTS OF WHITE MAN

Асфальтом и разметками на нём Дорога предается «разрушению» На что тратить <u>#деньги_когда_их_нет?</u> Газовые камеры маршруток перевозят «разрушение» Свадьбы-похороны неминуемы <u>#когда_нет_денег</u> На пальцах, блуждавших по клавиатуре, наэлектризовано «разрушение» Нет выбора <u>#когда_нет_денег</u> На обглоданных холодом стопах в чёрных сланцах передвигается «разрушение» Рождаются солдаты лишь <u>#когда_нет_денег</u>

Ночью льющейся недосягаемой нефтью Что вырывается из кровеносной системы ближневосточных детей Из перевёрнутого неба доносятся по вселенной Сигналы кассы на которой пробивают товары

Заработай все какие возможно деньги И прибей их к кресту «разрушения»

Расщеплённое тело «Царя»:

Его глаза в зеркалах (отражённые взгляды)

Его уши заплетены в ветви деревьев

Его руки растут из земли и щекочут прохожих (но остановившийся не смеётся)

Его позвоночник — понедельник вторник среда четверг пятница суббота воскресение (понедельник...)

Его ноги вращаются свастикой над головами

Нами (?) варится ужин в кастрюле его живота и готовые рёбра — женщины из реклам

Его черепом менеджеры (рос)нефти освещают новые скважины и месторождения

Его фаллос — деньги

И Голос Как то что Являет «Царя» таковым

Маскулинный с солидной залысиной Голос Воспринимать его — быть водомеркой (шум поверхности вывернувшая глубину в себя) Голос с византийским акцентом Словно «Юстиниан» не закончил речь свою... Голос обязанный быть безразличным и глупым как пластик Голос собой расщепляющий тело И синхронизирующий фрагменты в их тоталитарность — (Голос стремится стать молекулярными связями)

Рассеянный взгляд превратившийся в поле Вбирает фрагменты— «Чучело наряжено» Для пламени схлопывающихся глаз «Чтобы не погасло»

А из собственного крика

(Зазор в

Голосе)

Боль достать и сестрой Положить в траву

И? Пламенеющие макиЯ? В вакууме пространстваПотом? Кто страх перерастётСлухом сковырнувшись

Вылазка за

Я

говорение

дерево

(B)

Генетическое письмо — это письмо сопротивления. Глаза ушей, рук, языка обращены к «солнцу»

Взгляд, отклоненный от политики «эволюции», оставляет разорванный лист бумаги

Сквозь белую Петлеобразную скорлупу:

[Пиши правой (или правой) рукой Подумай, потом (забудь) говори Семь раз отмерь — один раз умри]

[Фотографии предметов Озарённые спичкой мгновения В утробной тьме]

Осмотреться Перед рождением

Сергей ЛЕЙБГРАД

истинное мурло родного миропорядка шестикрылый коронастерх двуглавый член вертикальный типун плешь да плешь кругом наше всё в окружении наших всех государственных театров и академий ран сдобных ликов и личинок нефтяное пятно в луже времени его ничего не остановит ничего изнасилует съест выплюнет и снова изнасилует а если вдруг пройдёт мимо то до конца жизни будешь слышать как он возвращается суеверный фашизм каннибал наташи ростовой суверенная плоть суррогатная мать москва похорошевшая гноев ковчег ленинграда запасная самара в удавке волги утро стрелецкой казни день победы единый день зачатия кесарево сечение вечер в гаграх ночь в музее окупаемость оккупации социальная цепь однорасовое православие отчим нации ассирийский ответ антисемитская чума свиней автоматический дозвон стратегическая целка всяк сущий в ней язык оглавление обезглавливание сорокины хутора девственный пелевин стихи подле донбасса тварь дрожащая размножающаяся

всё в порядке катастрофа лежим режим лежим проклиная режим гений ты ничтожество открытый пигмей

так прямо и скажи что тебе нечего сказать

ни один мертвец от нас живым не уйдёт

очередное повышение платы за свет в конце тоннеля

за слепым километром за раздавленным эго унесённая ветром занесённая снегом моей жизни капризной безнадёжная точка рядовая отчизна капитанская дочка память врёт как пословица и гуляя несмело тело жизни становится жизнью старого тела

лжеантичная ясность ублюдка перекличка разводка побудка зажигалка планшетка селёдка это город на грани рассудка словно мужеподобная тётка мы впитали пространство как губка мы запомнили то что забыли эти книги от лагерной пыли ты уже не очистишь голубка это угол квартиры отвесный это русь это высшая раса это местная власть это местный распорядок до мёртвого часа словно суржик земной и небесный

я вышел из скайпа я вышел из скайпа на мокрый балкон болконским впиваться в ночной небосклон ни бога ни хайпа опухшее время ни ликов ни лиц бесланский спортзал или аустерлиц шаман или дуче на мусорной куче

был просто грешником а стал статистической погрешностью

пыль о правах

в древнегреческом доме культуры дают харрасмент вместе с инцестом абьюзом и оскорблением власти когда все солисты отравлены наступает хорам смерть о репрессиях в касте жрецов читайте в подкасте

проектно-смертная документация

озноб в отцепленном вагоне среди сплошных местоимений слова как пепел на ладони уже свободны от значений уже последняя суббота как аллегория для басен потри любого патриота и ты увидишь мир прекрасен в ночи потерянных созвездий я дымом памяти затоплен забытый зверь хрипит в подъезде как дженис джоплин

* * *

Ошпаренное солнце пирамид в обшарпанные падает кварталы. Разломанное зрение скользит, раздваивая линии, как шпалы.

Смерть автора... Что ведал этот Барт о смерти, о предательстве, о пьянстве? Моя страна обширна, как инфаркт, с потерями сознания в пространстве.

Здесь вишней фаршируют пироги, здесь в лоб дают и сталкивают лбами. С покойников снимают сапоги, смеясь, как фотокарточки на память.

На корточках встречают приговор, по форточкам стреляют пятаками. Рабочий стол сквозь пыльный монитор иконками мерцает, ярлыками.

Подъезд мой оттирают басмачи, заложники слепого передела. Свет выключу, чтоб видеть, как в ночи горит твоё космическое тело. Шиворот-навыворот, ворон, ворог. Ночь мигающих жёлтых светофоров. Живая речь полна оговорок.

Мёртвая — оговоров.

сероглазый внук убийцы моего деда и всех моих родственников в одессе учит меня защищать права человека и гражданина право имеет

коронавирус харакири чума заснувшая на пире кусок свинины на рапире ёрш захлебнувшийся в сортире министр картофеля в мундире и надо всем парит гарант сквозняк гуляет по квартире как оккупант

золочёные кокарды беспардонные бастарды похоронные венки телефонные звонки батискафы перископы скрежет керченской косы тороватые холопы как раскормленные псы слишком поздно слишком рано спи в утробе замолчи сетевые тараканы расползаются в ночи кто не знает что во фляжках кровь чернеет на костяшках без опознавательных знаков глиняных льняных спят берлин со сталинградом моджахед и шурави чьё-то тело дышит рядом задыхаясь от любви бог распят и обезврежен через марлю свет процежен и течёт из всех прорех из-за острова на стрежень третий крым четвёртый рейх

сдаётся мне что знаю как умру сдаётся мне в аренду как пространство как женщина сдаётся поутру за счастье принимая постоянство смесь опуса и эпоса тщета движений одинаковых и звуков смесь зрения и слуха нагота венозная решётка акведуков смешение в заснеженной глуши в какой-нибудь глухой большой глушице не двигайся и даже не дыши как беженец застывший на границе

Убийцы не потерпят, чтобы их оскорбляли.

Снег! — кричу. Кричу: Снег! Но снег не знает своего имени, поэтому он идёт и не замечает меня.

речь накануне письма речь на пороге насилья знаками

а ты бы вообще помалкивал в масочку

Виталий ЛЕХЦИЕР

гейдельбергский человек

слух настраивается на другие частоты те, кто за нами побегут по коридорчикам эволюции на новые кладбища кладези палеоантропологии

в горловые мешочки положенные «т» и «к» различимы анатомия подчинена желанию выговориться

невежество расцветает как сорная трава заново если остаётся даже малая часть

ветровые заслоны рукоять из красивого камня с морским ежом для любования на живых поверхностях произрастает эстетика

мы видим мозг, но не функции

слова цепляются хитрыми транскрипциями за опыт забрасывают нейросети пассатижи вырывают моторную кору достигая пика членораздельности

презентация романа в книжном магазине «Диккенс» и другие события

аутопоэтический роман вызывает писателя из Агридженто

замыслы ищут авторов наперекор преодолению платонизма

происходящее за чёрными занавесками претендует на становление фильмом

ты хочешь, чтобы нас играли актёры?

красное кирпичное здание на Куйбышева скрывает от посторонних моральную слепоту тотемическую систему Австралии Пушкина периода сталинизма

вальс на замёрзшем Урале танцоры выстраиваются в текст не желающий больше терпеть

документация свидетельств нашего онлайн-присутствия

я сначала смотрю, потом читаю

сценарий из диалога

заверения в аполитичности кружат в ожидании римской сцены под крылом Муссолини

запоздалые ламентации по веризму

мы уже в процессе

перед началом автограф-сессии давайте сделаем перекур ***

непонимание себя невозможно в книжном формате

оно спотыкается об информацию о пытках не вызывающую резонанса

грезит о мелочной старости погрязшей в рутине лишенной героической эсхатологии

надевает маску рассеянного экзаменатора

замышляет месть тотальному менеджменту

расфокусированное удовольствие — диагноз, поставленный лёгкостью скольжением и поверхностью

всегда и всюду подстерегающая инверсия пытается заразить потребление совестью

хочешь ли ты быть партизаном? спрашивает художник в своем опусе принимаемый в сообщество утраты

взвешенное движение

1.

опять: преследование от музея Пикассо которому не хватало пространства и света

за столиком в кафе заочно обвинённый в краже замышляет бунт против папиного кино

понижая градус эмоциональности чтобы отличать приятную неожиданность от сюрприза

так взвешивают движение канатоходец волейболист при подаче

родитель, похожий на своего ребёнка чувствующего, что с ним что-то не так

критик, превращающий навыки в знаки

ощущения проигрывают нуждаясь в культивации и учителях

они чувствуют себя танцорами

укрупняя жест, останавливаясь утверждая святое несовершенство распределение подозрения вырождается в невнимательность к опыту

я буду просто ждать когда это случится

очередная неловкость

живое существо стремящееся к наслаждению ищет самооправдания

уклонист не бежит от, а следует внутреннему голосу внутреннему запросу системы на беспроигрышность

3.

Да Винчи*, устанавливающий импланты не устаёт зашивает виноградинку прикрывает мозг кожурой подрабатывает дизайнером брюшной полости

страх замены, потери навыков аргументы про экстренные случаи немедленное вмешательство доверительность

мне надо чувствовать ткани на которых работаю

пусть Да Винчи спят на Садовом кольце

62

^{*} Да Винчи — тип медицинского робота-хирурга

Исследование — 3 (итоги года)

мягкие фетровые лапки щипцов не помогут

гиря в вакууме

космическая пыль собранная с обшивки

тёмное барионное вещество на спектрометрах

привязка к постоянным величинам делает крылатые ракеты более точными

футбольное поле летит двадцать лет

рождённые ползать на Марсе

генетический редактор устраняет ошибки талассемии

столько лет продолжать заниматься чем-то полезным

Кирилл МИРОНОВ

если твой файл повредится в моей оперативной памяти я восстановлю каждую его глубину

помни обо мне в Google Disc

заведи Алису

Сходи в Макдональдс

ты умираешь на непонятном мне языке про это сложно составить мем

цвет твоих глаз потерян

у меня нет денег за упоминание брендов

мы находимся далеко от себя

я вспоминаю то время, когда ты чёрная на тебе много краски

ты танцуешь вокруг меня

я будто бы божество

а после мы рискуем слиться в одно и перейти в другое

но каждое утро я беру свою сумку а тебя просто нет

я пью кофе а тебя по прежнему нет

я спешу на шестьдесят седьмой а тебя уже нет

я еду в автобусе и в наушниках но тебя нет

всё потому, что ты уже там где никогда никого не бывает

спи на кухне говорит мне жена возле стола стула в общем на полу я достаю свой пуховик и расстилаю ровно-преровно слава богу — линолеум и июнь

«Натюрморты на лавочке в сквере возле проезжей части» Из цикла

Чужие надежды

 С утра приходили вонючие сантехники с вонючего ЖЭКа делать свои вонючие дела. 2. Они чертыхались и лазали под раковину.

4. Я спрашивал: «Это же поправимое дело?», а они отвечали: «Дык». 3. Я говорил им: «Затяните», а они отвечали: «Проверим».

6. Мне пришлось унести полотенце, чтобы сантехники не задели его своей вонючей робой. 5. Они ковырялись и пачкали кухню.

7. Наконец, они сказали: «Ну, смотри, хозяин. Вродь, не капает». 8. Я, как хозяин, посмотрел и убедился, что не капает.

9. Я стал провожать сантехников, а они стали топтаться у дверей. 11. Они грустно сказали: «Пожалуйста», и вышли за дверь. 10. Я сказал: «Спасибо вам большое, дорогие товарищи».

12. А в воздухе квартиры остались витать призраки их вонючих надежд на пару сотен, которые они ожидали получить от меня непонятно за что.

13. Я посмотрел на чужие, ничем не оправданные, надежды и открыл окно.

Ещё меньше, чем полхребта

1. Бывает, у тебя всЁ есть, а на деле — конь не валялся, и сам по себе ты дурен и чЁрств

- 2. В каждом доме должен быть Чехов и Достоевский. Достоевскому следует стоять рядом с Чеховым, но не так чтобы уж очень сильно.
 - 3. Если некогда почитать Чехова, то и грош тебе цена.
 - 4. С Достоевским та же история.
- 5. Нужно следить, где и что происходит, чтобы, не дай бог,
 - не ввязаться в какую-нибудь чепуху.
- Лучше долго сомневаться, чем решиться заподлецо.
 Чтобы не быть дурным, делай гимнастику. Я, например,
- делаю гимнастику и пью кефир.
- 8. Глупо думать, будто бы за окном сегодня всЁ то же самое,
- 9. О душе: душа это шкаф, в котором много вещей. Открой его и разбери. что и вчера.
- 10. Во сне душа уходит гулять. Не будь идиотом, и проследи, куда это она попЁрлась, и что у неЁ на уме.

День кондитера

- 1. Хороший погожий день повод для естественной радости. День же паршивый, холодный, и когда дождь цень для радости неестественной, так сказать — радости вынужденной.
 - 2. Вынужденно радоваться крайнее испытание и твёрдый кирпич.
- з. Вот сегодня день естественно радостный, ибо вокруг тепло и почки, а также грузовик с надписью «вековые традиции русского кваса».
- 4. Под ногами у нас тёплая брусчатка, а за неким бордюром молодая весенняя травка
 - 5. Но вот на соседнюю скамейку села юная баба, достала чипсы и телефон.

- 6. Юная баба стала страшно шуметь, складывая чипсы в рот и разговаривая при этом по телефону.
- 68
- 9. Почему мы недостаточно рады рядом с юной бабой-хабалкой? Разве брусчатка под нашими ногами остыла? 8. Вот о чём я говорю, когда говорю «вынужденная радость»!
 - Разве день перестал быть погожим, а грузовик с вековыми традициями русского кваса перевернулся?

10. Всякая баба, являясь хабалкой, может все изрядно подпортить.

- 12. Мы уже забыли про юную бабу-хабалку и думаем нашу мысль дальше. 11. Из-за всего этого мы приходим к мысли о том, что жизнь суть пирог.
- 13. Если принять во внимание, что жизнь приравнена к пирогу, то можно сказать, что пироги бывают
- 14. У кого пирог с яблоками, у кого с заправкой для кислых щей, у кого и вовсе с голубиным помётом
- 15. Кто является главным и первичным обладателем любого пирога? Кондитер. и ослиной мочой
- 16. Если уж ты кондитер своего пирога, то следует быть кондитером высшего разряда: знать не одну рецептуру и играючи подбирать компоненты.
- 17. А раз так, то у всех у нас большой шар ответственности, и фразами вроде «тыры-пыры» и «дык, ну» мы уже не обойдёмся. Ибо все мы — кондитеры.
- 18. Однако, поднимаясь выше, мы можем увидеть естественную и вынужденную радость кондитера.
 - 20. А вот он сидит и хмуро месит закваску и отделяет от яблок и вишен кости, ибо ему не очень. 19. Вот он искренне и свежо варганит шедевр, ибо вокруг всё так, как ему хорошо.

 - 22. Ну а если ты не кондитер, то тут уж ничего не поделаешь. Готовь свой пирог. Или умри. 21. Конечно, можно отказаться от этой роли и жрать, что дают.
- 24. А мы, руководствуясь голой истиной, скажем так: если уж в непогожий день всё возможно, то и в погожий 23. Некоторые могут спросить: а возможен ли отпуск кондитеру, или — чего доброго — выход на пенсию?

Немного меньше, чем полхребта

- 1. Сегодня я сказал: я могу. Значит, я не кукушка и не омар.
- в церкви уборщица поскользнулась на собственной грязной жиже и сказала: «Господи, прости!»
- 4. У каждого на стене висит невидимое ружье. Вопрос в том, где невидимые патроны, и стоит ли тебе з. По скверу за окном бродят лютые мерзавцы. Каждому из них я завещаю бублик. И жмых. заряжать ими невидимое ружьё.
- 5. Зачем мы живём? Глупый вопрос. Мы живём для того, чтобы однажды подстрелить нужную утку, и 6. Если мы будем недостаточно голодными, у нас ничего не выйдет. С сытостью — та же проблема. приготовить её в нужной печи.
 - 8. Иногда ты радуешься, а иногда нет. Следи за тем, чтобы это не превратилось в бардак. 7. Утка летит одиноко.
- 9. В то время, когда был путч, я в своей деревне стрелял из рогатки в соседний гараж. И мне за это ничего не
 - 10. Нельзя пускать сопли. Если пустил соплю утри рукавом, будь суров, имей множество одноразовых платочков. И волю.
 - 11. Если тебе предлагают середину, и середина кажется прекрасной, то не будь ленивой жопой, а посмотри, что там с одного краю, а что — с другого.
- 12. Никогда не стоит забывать свою первую любовь. Моя первая любовь стояла напротив меня, ела яблоки и говорила: «так больше влезет».
 - 13. Думай о бесконечности перед смертью. Или о первой своей любви.
 - 14. Возможно нужно, чтобы в тебя больше влезло

София РУБЦОВА

О Шаман приходит на рейв. Не смотри на шамана, Смотри на меня. Ты можешь ему помешать. Механическая тварь Атакует внутреннее ухо. Теперь она внутри. Но сражение между собой и прочим Шамана пугать не должно.

Ι

Вы производите осмотр помещения И с удивлением обнаруживаете, Что для вас тут места нет. Есть только место для шамана. Который занимает всё пространство, Превращается в газ и улетает под потолок.

Кольцо сжимается в районе макушки, прокатывается окаменением и НИЧЕГО.
Забирает ЦЕЛОЕ И не отдает обратно. Подходите, простойте вот здесь, Я сейчас объясню вам своё. А вы мне своё объясните. Прямо здесь и сейчас между грохотом и шаманом, Снимайте с ног НИЧЕГО И вставайте на это место, чтобы все видели как вы мне объясните своё красивое ЦЕЛОЕ.

Дело закончилось судом, на который обе стороны не явились. И теперь ты Сторонишься тёмных углов И невольно прячешься от взглядов. Не видишь дырку размером с себя, Не видишь как микрокосмос в зрачках Произрастает на обетованной В одно большое и ЦЕЛОЕ НИЧЕГО И схлопывается сам в себя. Шарик сдулся и превратился в красный круг, Очерченный вокруг шеи И одного из двух запястий. Вчера круг стал ниточкой, Залез в ухо и вылез из другого Совершенно беспрепятственно, Как будто бы как в анекдоте: Перережешь — и ушки отвалятся.

Моя кровать пахнет Верхней полкой старого поезда, Кремом из фиалок и черники, Теплом чистого разума и Совсем немного шаром сна.

Твоя кровать пахнет Горячей летней почвой, Огоньком зажигалки, Сухостоями из лаванды, ромашек, камня и Совсем немного шаром сна.

Когда эти запахи переплелись,
Стало сразу ясно
Что мы забыли язык цветов,
Когда начали изучать тело.
Стало ясно, что сон спокойствия
Пришёл и стал бабочкой,
такой разный в своём переливчатом.
А волосы у тебя ещё детские,
(оттого и разум тоже мягкий и свежий)
Как молочная шерсть котёнка.
Сразу после нужно идти охотиться,
Пока не забыли пространство совсем.
Ведь, представь,
что мы уже не замечаем фонарей,
Когда ступаем в ночь рука об руку.

Сторож асфальта. Искала собаку — талоснежную шерсть Накормить, вычесать, дать имя Элоиза — ты будешь пикетирующим деревом Над тобой мы кружимся, как мухи над мыслью о переселении душ Не касаясь ствола поводком. Потом сядем в маршрутку До посёлка.

Привязала в подъезде единственной пятиэтажки

У неё нет воды, у меня есть колики в голове Сколько в тебе любви На каменные варежки Элоиза, уйди, Главное — чтобы ушла Элоиза

И без лая прочитать «Это коснётся каждого» Лиса впилась зубами в руку, не смахнуть — Она забыла, что в конце военной трассы А не в начале. Мы были вместе в детских бмд, на гонках Я гнулась вправо, голова и шея — вдоль потолка.

(я пересела с папиной машины, и пусть её вернёт эвакуатор)

Ты в кресле — стал салатом, вихрем Из овощей

Дома из отражений младшие, но только В защиту луж Скажу И мэр Самары хлещет по щекам, По трещинам в зубах, по кратерам

Пласт здания, что отделяет Кажется очевидным. Везде можно жить. Когда уходят лягушки Что остаётся — россыпь, колеи колёс.

Зря я, что ли, собрал пригоршню фонаря И любил откуда-то снизу.

Лампа, торшер, светильник, это ведь разные имена, чтобы поставить их рядом на полку и плакать. Треск полагается свету, но не возьму же Луну я домой, и лягушек, я буду их гладить, лизать маслянистое брюшко, но не возьму же домой.

И лестницу не возьму, она в коридоре. И поезд. И снежный корабль под мостом. ***

Домик для ласточки вкось укус Мускусный крот подмыт социальный дурак Почему-то все покупатели без носов И чернильные ленты как стан в коридоре тц Не ругайся, пакет, это просто временный вес

Мне приснился горящий флажок И как будто горящий костёр И как будто немой автозак И в нём не было никого

В макете убежища Пантера-принц показывает газеты времен японской войны.

Люди солёные, а конфеты развозит таксист, погружающий ноги от изжоги и рака в тазик с содой

Мы четыре ребёнка с мерцающими глазами Я спасу вас в коробке от нападения Принца Он утешает вы будете в ветреных ранах Там, где прилесье растит город с аптекой

Я расстрелял его, чтобы сделать Ласточкин берег! Дырки для снов /Общество защиты химер/

/Ведут принцессу-снегурочку Ведут и помнят серебряное копытце/

/Кто приходил ночью? Мужчины и женщины Половые аномалии И, может быть, засохшая сосна./

/Поэтому голос свистит в воротах. Там был дымок и мать-перемать Слюнявила палец и лоб, орала проснись, а я вижу и так поливали деревья в саду не узнал меня! перекручивается белье на верёвках, спина, хрустит мышиный ковёр — здесь весной распускалась машина, осьминог, дразнивший сосну./

/Где мы с тобой Проснёмся?/

Несут золотую ящерицу за хвост Белого слона — за хобот. Где страна, Где водятся такие огромные ящерицы Такие счастливые слоны?

Ты стал бы расти, чтобы понравиться дереву? Дерево сломал морозов, зачем он сломал дерево? В пуговице четыре дырки, следи за ниткой: Выгибается сказочник, когда фея горит на бумажном катере; ломтики башмачка перевязывают язык

/небесный/ значит, забытый, как в диктанте.

Я видел там повелитель чаек Как неваляшка башкой качает Спит и летит в приоткрытый рот Птиц уносит небоворот

Гостей сбрасываю в трубу Темноту плёночной полосы В эру больших рыбаков, ты Не убивай, пожалуйста, змейку.

Я сломала палку, и ты пришёл в облике Кошмарной её части.

Всё же, женщина не может быть поэтом Нужно стирать Может, украсть плеск тряпки

**

В твоём сне окажется с полдюжины комнат Как-нибудь променяю Это дно леса на Беломорканал и клоаки

В ту трубу мы Сбрасываем гостей

Счастливые местные жители Выкрикивают приветствия Озябшим рыбакам

Вся их родня, дети и внуки Превратились в летучих мышей.

Если ты вспомнишь, что я — старший сын, Сим, ты сестра Как мы пасли коз в прозрачном лесу, Дарили костру бельё

Город в змеях. У Него гнездо лиц Я позвонил по кроссовке, скоро придёт автобус

Да так было всегда говорил мне прозрачный лис Да так будет пока в этом городе негде облегчиться

камнем уходит в россыпь камней выкипела вода вот и иди за ней волнами городов в шорохе оболочек

пока ночь раскладывается позорной трубой было комом в горле становится вздохом

искра когда быстро с камня на камень

гонет в невозможности дара

сломанный снег

кипящая бабочками слепнут когда разваливается опустевшая кровь в свет запутанности не утешающий голос исчезновение плача съедает нас с помощью теряемого терять

чашка разбитая радиопомехами силуэт становится контуром

равноденствие ям

сможешь вытянуть на конце кисти вернуть лихорадку

аккуратно вырезая стекло из моря

ось оставаться в переполнение

всё неустойчивее M_0^e лодая жара

опираясь на ладонь скользящую по виску

настоящее черновик рыба идёт на берег

ягод на клюве, ржавый, глиняный. Шестигранный ветер оставлен осами. Копоть слов в толпах крапивы. Леший перепутываясь с тенями себя и не себя. Воробей песчаный, рассыпающийся пирожным, вишневый, с соком геряет сундук с книгами, перебираясь за реку. Косит травой туман. В дожде капли разных морей. Волна, Ввет не выключить, проходит всюду и несет тени с собой. Но продираясь, распадается на полоски,

опустившись на дно, становится осьминогом. Синие яблони хороши для сна.

не зовёт себя сухостью губ слишком тесно стоящих домов потеряв неудобное выбрав уже своё полнота рассыпается не до причала солью сыплется в сыр себя изгоняя в поисках скорости масла оливок не конечна игла крови длящееся не делится ветвится

не умея прости

клей по её форме. Выявление отсутствия — опоры? прочности? Ломается не выдержавшее проверки. Рождается Внимательность к тонкостям узора трещин. Голос тревоги. Вторжение пустоты внутрь. И она не уйдет, любой Греск. Мгновение перемены. Строгость и сухость предупреждения — еще чуть, и. Осторожность и точность. греском скорлупы. Греет треск дерева в костре. Голос мгновения? предмета к нам? Гут всегда земляные, деревянные, воздушные, цветные работы. Маленький дом вышел из большого погулять и устроился на дереве. Ванна выбралась во двор собирать дождь. Старые шкафы, входя в комнаты, снимают лак. ушла от дерева, стала белой и обнимает лестницу. Двери собрались туда, где можно побыть существительным Проезд стал проговором и просмотром. Башня тянет свой квадрат к небу, становясь пирамидой. Тень дерева и забрались на второй этаж. Время не хранит и не разрушает, а живёт. И тот, кто помог им всем, может не а можно и столом. Кирпич дышит и стороной улицы, и стороной комнат. Часы избавились от механизма интересоваться теми, кто лишь развлекает.

лепестки цветка:

спил дерева под острым углом жёлтое в корице коры голпы идущих на работу в свете фонарей

потеря лилового в чёрном

гёмная спелость плода в зеленой кожуре с чёрно-красной косточкой зимняя ель в блеске на зелёном остров тепла песка в тепле моря

пузырьки поднимающиеся в холоде воды

зелень пера с чёрной пестротой ости

зёрна мака на его лепестках

гвозди пытающиеся удержать песок

язык пламени светлеющего от накала к острию оранжевый жар выходящий из зелёного дробясь белым внутри снег на фиолетовом небе окружённом снегом

80

синяя река с плывущими золотыми зёрнами в каждом красное зерно зерна сеющий буквы в траву и в огонь

кофейные зёрна летящие в начинающийся рассвет светлячки собирающие воздух

вмешиваются в небо ночи на светло-коричневом стебле змеи между стай белый где ещё будет

белых красных синих рыб не оторваться от происходящих и различий

гемноте на берегах капли слышит со дна начала ветра флаг неизвестных букв предметы что в одиночку тонкое пустотой собаки взгляд чувствует воздух что уже стал ступенью не произнести падая между минут перелом крови грудная корка не сойдется зёрнами встречи что не может встретиться в молнии расстояния дышать в лето изнашивается легче дерева железо становясь кораблём собранным местом кто ищет становится легче сквозь горизонт не за

птицы в окнах, из укола морского ежа еще не выросшее пространство дальше на камень на повороте в горсти пожара. Стремительная тяжесть. С кусочком воздуха внутри несёт не землю, а взгляд на неё. Напоминание, что и гора может быть живой. Отпуская в тревогу, в которую хочешь заглянуть. Оставаясь вблизи. От мяча, прозрачность до дна с затонувшими кораблями? горечь труб, разбивающихся о скалу? Чёрный гранит льда, Между домов везут слитки металла? волны? радость вина на колеблющемся от землетрясения столе? висящего в воздухе, в тень рисунка. Волос летает между

82

имя завтра дыхание флюгера просто вода не случай выбор на ступенях разрывов в трещинах расположения кожей радости костями мыслей

горечью горизонта карта становится кораблем помя(ну)тостью воздуха стёртые полубуквы

гак и выдерживает выворачивает пло _{ск}ость

наклоняя по направлению сухости на толщину пепла

касание устанавливает глубину го(во)ря не слова

выговор иглы внутренний еж внешний как собираешь себя вишню в себе растишь и рябину обостряя зрение схемы кисти по устоям огня ткать дорогу

встречей птицу ловить воздухом из гнезда глаза смотреть ветром в день в каменный рост ночь в стекло смеха

горсть змеи в зеркале тени

парусами. Точки плотнее у фронта волны, сжимающей перед собой пространство. Голос неподвижных губ. Всё Греутольники искривляются, прорезая тор, приобретая упругость объёма пустоты. Становятся плавниками и ящерицей и выходит погулять. Посмотреть на ветки деревьев, стелющиеся в вечере, нити водорослей в толще Горы встречать на уровне гор. Вулкан питается лавой из каналов под ним. Иногда сеть протоков становится волосы света и лестницы света. Более, чем планета, притягивает отверстие в фиолетовой небесной тверди. воды, узоры мороза на стеклах. Рядом космос города, летящего на перепонках пирамид, оставляя за собой больше теней и крыльев. С большого камня вечерний воздух становится утром.

в книгу воды линейным письмом А кто ни один отказываясь совпадать не согласный с кто он есть переходя в лице

вес притяжения аналогию амальгамы не узнанное не ставшее непо(дт)верж(д)енность вырасти(ть) тенью воздуха за мгновение главной боли как подумать о том что не знаем

так стираем себя сны дверей и окон падающие сухари возможность утра движенье стена и движение мост кто позволит не встречать (пред)полагая

глаза вечер смотрящий в ночь

Тодземная вода — холодная. Для плавания — открытая вода, чьи брызги — бабочки. Возвращающаяся вода пролагая ходы. И вдоль всего бесконечная змея с гремящей обидой на конце хвоста, ускользая продолжать. Триведённый не знал, куда ведут, но оказавшись, понял, что всегда хотел там быть, и показал приведшему которое перебирается туда и растет еще выше, они давно уже в воздухе, им там хорошо. Ствол друг друга. фонтанов. Дерево дает ветки корням другого дерева, то растёт выше и даёт свою крону корням первого, много такого, чего тот никогда сам там не увидел бы. Можно выпить гору, если дать воде растворить её,

скрепки теней в день встряхивания часов кодом семнадцати каменных ферзей кубу восьмой доли медные муравьи видишь вода закрыта и не вылечить свет воздух мелеет в страх открытой земли сжатое поле разговора ломает улей в пальцах выхода донести корзину дождя

на осколках тревоги свод взглядов в координатах множеств приглашает белизна промежутка море построим над пуствая узлом карты сможем ли сделать ночь из того что не знаем принятым колет игла сшивает на горизонте лица за третьим поворотом во сне

превращает. Деревья снаружи суше круга по ним вода в небо. Сухость опора роста ее кормить касаниями руки и ветра. Шорох почти шепот пустые могут вмещать (но через не). На карте то что есть приглашать к тому чего ещё нет. Слова уплывают с тонущей карты стать произнесенными. Дверь запасается спасательным кругом Поиски потерянного чтобы найти другое. Проявляя камни. Круг вращается и вращает направление его

грещина не помешает ей плыть. Держаться за землю звездой.

в поиске старшей ночи горечь белого цвета и сквозняка расчёты угольный шоколад

на качелях вопроса взгляд врастающий в воздух за поворотами плазмы с первого ничего

верность огня во вдохе переключая дыры и не меняя лица

мы ускользнём водой

85

Анастасия ХОМЕНКО

*

Stonehenge круговорот прохлады укутывает дождём в плавлении вечера по пяткам ход $^{
m MT}_{
m MIIIb}$ рос $^{
m a}_{
m Oreve{N}}$ ещё не проснувшаяся завтракаешь ощущением от скалы что дом для ветра вода украдывает крик смелого взгляда бабочкой на кон чике перекрёстков абсолютной тьмы звенящей о кости липкости тишины переходы глиною снов тебя ты есть ти ши

маленьким гостем на ниточке love bug

тебе выбирая суть

на	кожу	ешь	
	пером	ржу пряч	
	от фф	гота св нару	СН
	rope	птицей п	В
	секунду когда		
	говорит	ке за	
	молча	е реже	
	оживает	хождением по комнат	
		отражение	

на языке здесь мы там

молчанием нарушаешь обычным из ржавчины

темноту

моря стене night выныриваешь душной с моря стене піє но сумерками каморки горизонтом на every середине случайной до круге трещинка мнения точка не реальности линиях доплывешь начала обледенеВголубом прищур со чёрная в вопросов на пылью ныряют но страусами белым утро вдыхая греть пальцы подкрасим прозрачно пьялью ны<u>г</u> открываешь

чьё прощай

свободой

Движение на грани стекла. Антология самарской актуальной поэзии

He переводя, начиная с: sen çok güzel *

Не видя пути, по ощущению идти.

Проникать (сквозь холодные:

пальцы, нос, мысли) прикосновением

 \hat{A} хрустящая ночь плотной тканью по летней зелени Crunch/

А смотри: месяц старел за один вечер луной Гранатовой? Винной?

Наблюда(я)/(ть) (верное <u>подчеркнуть</u>) молодую кожу кончиками(fingers?) Оглядываясь,

замечать: несмущенных под винно-гранатовой. Напоказ.

без подушки-колено мягче

Дуб? Галактика? Движение.

Листьев? Звёзд?

Тихая гитара. Кричащий голос.

Два глаза из темноты

зелёный и красный

Холодный песок --- рекорд свечи. Согревает дыханием/взглядом.

Начало.

Затмение ногтя тенью бокала

Фуксия?

Розовый?

Зефирный?

Случайным бархатом вечер

ощущать10000000точек(звёзд?)

Приглушенный свет.

Симметрия двух огоньков вина

Между красным и белым, посмеиваясь:

«Всё-то ты замечаешь...»

между делом > укрывать колено сине-белыми волнами < между делом Заворачивать встречу. навстречу новому дню.

(когда вечер догоняет рассвет. До душного дня)

^{*} Ты так красива (тур.)

Стеклянная солома хрустит берег перелистывая морем холод лежит отражением радуги вздоха круг его хрупко перетекает в шар льда вливается стуча по зубам рождением луны новый мир зрачка — — уголь талого снега блюдо для белизны кожи наблюдающей соль воз(душные) былинки вцие белеющей стали имена замыканием прилива появляет себя растекаясь вдоль поперечных голосов оставляя след ожидания

*

Смотришь сквозь волосы-бери пример с луны, она через капли на стекле оставляет фактуры кисти миру. К нему вечное падение спутника или танец белой змеи под потолком танец стрекозы и осы- прощание с летом. Волосы-нити вожделения на которых жить, разрезая тело бело- красным ножом- распадение в пространстве, но не исчезновение из, а становление им. Фигура вращается пока ветер здесь

Олеся ЧЕГАНОВА

Руки скрести на спине Дрогнет мокрое полотенце Я в эту лужу уже наступала Корчит гримасы оторванный провод Просится к водопаду

Позвони как узнаешь место уязвимей мизинца И нам будет о чём говорить

Красит пальцы стена
И трогаешь
Трогаешь всё равно
С балконов летят пакеты на головы старых людей
Весело
Это весело
Подойдут и спросят куда идти
А я не знаю
И только паника с нежеланием подвести
В яблоках червяки
Яблоки ходят на двух ногах по большому яблоку которое не ходит
Отведи свои глаза в другое место
С неба летит песок

Там казались высохшие озёра и деревня где умерли все По пояс в кровавой тине я буду драться с десятым первым Использовать путеводителем ленту кассет и кольца лука Прерываться только на дыхание кого-то иного Деревянные балки и есть мосты Паровые двигатели всё ещё паровые Гудят вымышленные пароходы и трясутся если их заметить Короткие камни злятся Длинные камни злятся Широкие камни пытаются их успокоить Ветер оближет тебя целиком и закончится

Мир слишком плоский для второго шага
Пёстрыми фарами жалят асфальт чужие верующие
Пропущенный поворот раз
Два
Три
Дорога прямее взгляда кота на мышь
Лица очень большие для комплексов
Последний римский император ненавидел свой шлем — носил
Так люди живут вместе
Просить кого-то помочь и пойти танцевать
Проснёшься, а рядом оторванное крыло бабочк

Александра ШАЛАШОВА

родился: в 1903 году, горьковская обл., ардатовский р-н, село выползово; русский работал: учителем русского и литературы в средней школе проживал: белохолуницкий район, трудпосёлок №1 приговорён: кировский облсуд 29 марта 1943 года по статье 58-10 УК РСФСР

(пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, предусмотренных статьями 58-2 — 58-9 настоящего кодекса)

приговор: 10 лет лишения свободы с поражением в правах на пять лет с конфискацией имущества реабилитирован: 18 марта 1960 года

так выхватила из темноты истории жизнеописание незнакомого, нестарого мужчины и подумала, что и моему отцу могло быть сорок лет, когда всё это началось, разметало, высушило, ушло с дымом

то прошло не полвека с лишним, а на секунду глаза закрыла

грудь незрелая, развивающаяся; грудь обвисшая, белая-белая на фоне тела и розового приспущенного купальника; тёмная родинка на плече — такая же, как у мамы, красные пятнышки раздражения, мокрый пластырь. неровная кожа, высвеченная белым светом дневных ламп,

свешивающихся с потолка.

если вы наблюдаете:

- боль или дискомфорт в левой половине грудной клетки,
- ощущение головокружения, неустойчивости или предобморочного состояния,
- другие настораживающие симптомы, то постарайтесь вытерпеть, никому не звоните. шрамы, шрамы по телу — от ожогов, аппендэктомии, кесарева сечения, всего нестрашного. так сама стоишь без футболки в раздевалке бассейна «Чайка» и кругом замечаешь жизнь.

танцовщик александр годунов остался в сша а его жена вернулась в союз потому что в первую очередь он был артистом балета а мужем уже во вторую так хочется знать кто ты в первую очередь

2

в первую очередь из автомата начальная скорость вылета пули 120 м/с ствол из алюминия цевьё из ударопрочного пластика а сама не могу представить как это выстрелить в живое лицо с акварельно-синим под глазами с пушком на щеках с трещинкой над верхней губой з во вторую очередь к открывшейся кассе бегут мужчины наравне с девятиклассницами опережая молодых женщин отталкивая старух

4 за чем стоим что привезём в маленькие города стоящие по берегам великих рек?

5 номер написанный на руке химическим карандашом стирается от горячей воды

*

а что у меня внутри у меня внутри длительные обильные со стустками тянущие схваткообразные боли внизу живота одышка учащённое сердцебиение бесплодие невынашивание беременности раньше думала слишком маленькая чтобы иметь детей потому что ношу кошачьи ушки на ободке смотрю блогеров которых смотрят подростки это видно по содержанию синтаксису разговаривая с тринадцатилетними стараюсь показаться сверстницей не знаю получается ли наверняка нет потом думала что мира не видела ни парижа ни аргентины какие дети сама боюсь не добраться хотя видела как путешественницы ездят с новорождёнными радуются

спят на траве на туристических ковриках едят чуррос на берегу океана но знаю что не смогу так но теперь не нужно придумывать отговорок всё оказалось проще а что у меня внутри у меня внутри вопрос о целесообразности хирургического вмешательства узел в три сантиметра гормональная терапия надеваю кошачьи ушки выхожу на волжский проспект смотреть как река горит и никто не видит что у меня внутри никто не видит что у меня внутри

запишите числительное 347 в родительном падеже какое местоимение пишется слитно (не)кто (кто)нибудь (кое)(к)чему какой(то) укажите предложение с безличным глаголом солнце начинает спускаться пойдите сегодня к реке обязательно детям хочется на свежий воздух укажите номер предложения в котором необходимо поставить одну запятую (знаки препинания не расставлены) Володя помогал выпутывать и выбирать рыбу рыба билась рвалась металась на голой земле мы сидели на пляже наблюдая за тем как Володя путался под ногами взрослых рыбаков с обветренными загорелыми лицами в камуфляжных штанах в рубашках с длинными рукавами они гнали его говорили запачкаешься простудишься иди к матери а мальчик смотрел сине(стальными) глазами на рыб оставляющих след короткий влажный поднимал с асфальта сомиков и подлещиков и отходную читал по каждому широко осенив крестом

просыпаешься среди комнаты от светящегося телефона смотришь но никого — постельное в мелкий цветочек купленное в ивановских ситцах (распродажа только два дня четырнадцатого и пятнадцатого марта по оптовым ценам) а где это Иваново город невест где вечерами сидят по комнатам красят губы раскладывают пасьянсы и ждут того кто придёт вытащит оглядываешься ищешь только грудь болит разбухшая в синих прожилках наливается млечно-яблочным среди ивановских палисадников среди московского вертограда

рассыпается ночь звёздами-погремушками не зовёт мужа

трав некошеных где Машенька где Алёшенька никого

Юрий БАБЕДИНОВ (1994, Самара) — поэт, перфомер, музыкант. Стихи публиковались на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV», в альманахе «Чёрные дыры букв», в онлайн журналах «Флаги» и «Солонеба».

Семён БЕЗГИНОВ (1982, Тольятти) — поэт, журналист, музыкант. Окончил ПТУ, работал на заводе, закончил филфак Самарского Госуниверситета. В 2005–2009 годах координировал работу лаборатории свободного творчества «Орфей» при Самарской областной юношеской библиотеке. Стихи опубликованы на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+ТV», в журнале «Волга», онлайн-журнале «Флаги», поэтической антигазете «Метромост» (Нижний Новгород), на сайте «Полутона».

Григорий БИТНЕВ (1993, Самара) — поэт, медиатор, лектор и создатель компотов. Стихи публиковались на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV», в альманахе «Чёрные дыры букв».

Елена БОГАТЫРЁВА (1966, Куйбышев) — поэт, философ, публицист, арт-критик. Окончила филологический факультет Самарского госуниверситета, доцент Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва. Стихи публиковалась в журнале «Дети Ра», некоторых региональных изданиях, автор нескольких самиздатовских сборников. Арт-критика опубликована в изданиях «Художественный журнал», «Цирк Олимп+ТV», «Перформанс», «Диалог искусств», «Свежая газета «Культура» и другие. С 2009 года руководитель творческой лаборатории «Территория диалога» (СНИУ им. С.П. Королёва), на базе которой выпускает и редактирует альманах «Чёрные дыры букв». Куратор ряда региональных литературных акций, в том числе «Самара: ЛИТерАРТ» (2012).

Светлана БУБНОВА (2000, Мурманск) — студентка третьего курса Самарского университета (отделение зарубежной филологии). Стихи публиковались в альманахе «Чёрные дыры букв», на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV», на сайте «Полутона».

Галина ЕРМОШИНА (1962, посёлок Ивантеевка Саратовской области) — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик. Закончила Куйбышевский институт культуры. Работает в Самарской областной юношеской библиотеке. Лауреат первого фестиваля малой прозы им. И.С. Тургенева (Москва, 1998). Автор шести книг стихов и малой прозы, в том числе: «Круги речи» (Москва: АРГО-РИСК, 2005), «Оклик небывшего времени» (Москва: Наука, 2007), «Песчаные часы» (Москва: Книжное обозрение, АРГО-РИСК, 2013). Переводит современную американскую поэзию: Розмари Уолдроп, Мишель Мерфи, Джозеф Донахью, Карен Фолькман, Меймей Берссенбрюгге, Хизер Хартли, Питер Джицци, Кларк Кулидж, Эдвард Фостер. Книги переводов: Розмари Уолдроп «Снова найти точное место» (Екатеринбург: Полифем, 2020). Стихи и проза переведены на английский, польский, китайский, итальянский.

Кузьма КУРВИЧ (1984, Ульяновск) — КуКузьма (он же Кузьма Курвич из «Веселья Ебини Zepa», основанного в 2001-м году в Самаре), поэт, DIY-издатель. Стихи публиковались на сайте «Полутона».

Алексей ЛАРИН (1994, Самара) — поэт, работает ведущим энергетиком Куйбышевского НПЗ, аспирант Самарского государственного технического университета. Стихи публиковались на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV», в альманахе «Чёрные дыры букв». Лонг-лист Премии Аркадия Драгомощенко (2020).

Сергей ЛЕЙБГРАД (1962, Куйбышев) — поэт, эссеист, редактор, издатель, культуртрегер. Участник Фестиваля русской поэзии в Германии (1990), Первого международного фестиваля «Биеннале поэтов в Москве» (2001), фестивалей российской поэзии «ГолосА» и современного искусства «Белые ночи в Перми». Создатель и главный редактор вестника современного искусства «Цирк Олимп» (1995–1998), с 2011 года его соредактор. Стихотворения и эссе публиковались в журналах и альманахах «Дружба народов», «Пушкин», «Русский журнал», «Новое литературное обозрение», «Остров», «Воздух», «Дирижабль», «Дети РА», «Золотой век», «Футурум АРТ» и др. Тексты Лейбграда включены в антологии «Нестоличная литература», «Времена и пространства: русская поэзия хх века», «Антология современной русской поэзии 1989–2009» (Франция, 2010), «Поэтический путеводитель» (Пермь: Куль-

турный альянс, 2012). Лауреат премии за лучшую поэтическую публикацию в литературно-художественном журнале «Футурм АРТ». Автор 16-ти книг стихотворений и эссе, изданных в Москве, Самаре и Тольятти, в том числе «Своя чужая душа» (1991), «Соблазн отчаяния (1982–2002). Стихи и другие тексты» (2002), «Безумие и нежность, или Опыт развоплощения» (2006), «О чём речь. Тринадцатая книга стихотворений» (2012), «Стеклянная мгла» (2013), «Распорядок ночи: стихи» (2016), «Убитое время» (2020).

Виталий ЛЕХЦИЕР (1970, Ташауз, Туркменская ССР) поэт, эссеист, литературтрегер, Соредактор электронного литературно-аналитического портала «Цирк Олимп+ту» и одноименной книжной поэтической серии. Окончил филологический факультет Самарского госуниверситета, доктор философских наук, работает в Самарском национальном исследовательском университете им. С.П. Королёва. Автор семи книг стихов, в том числе «Своим ходом: после очевидцев» (М.: НЛО, 2019), более ста пятидесяти научных статей и шести монографий по философии и социальным наукам, в том числе «Введение в феноменологию художественного опыта» (Самара: Самарский университет, 2000) и «Поэзия и её иное» (Екатеринбург, Москва: Кабинетный учёный, 2020), многочисленных поэтических публикаций в журналах «Воздух», «Волга», TextOnly, «Парадигма», «Артикуляция» и других, на порталах Syg.ma, «Сноб», «Лиterraтypa», в антологиях «Нестоличная литература», «Девять измерений», «Поэтический путеводитель», «Когда мы были шпионами». Участник и лауреат ряда международных и российских литературных фестивалей, куратор региональных литературных акций, в том числе «Антропология поэтического опыта» (2012-2013) и «Поэтическая логоцентрика» (2013-2019). Лауреат Премии Андрея Белого (2019, номинация «Литературные проекты и критика»).

Кирилл МИРОНОВ (1985, Самара) — поэт, член творческой лаборатории «Орфей» при Самарской областной юношеской библиотеке с 2004 года, с 2009 — сокоординатор этой лаборатории. Организатор и координатор фестиваля искусств «Голова Гоголя» (Самара) и некоторых других региональных литературных акций. Автор двух самиздатовских поэтических книг (2011, 2012). Стихи опубликованы в самарских сборниках «Поэтический ринг» (2003, 2004), «Самарский верлибр» (2006), журналах «Новая Реальность», Контрабанда», на сайте «Полутона».

София РУБЦОВА (1998, Самара) — авторка, участница самарского проекта «Поэтическая мастерская». Стихи публиковались на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV».

Катя СИМ (1991, Самара) — авторка, кураторка. Работала уборщицей, журналисткой, в настоящее время дизайнер-администратор фотосалона. Стихи публиковались в онлайнжурналах «TextOnly», «Цирк Олимп+TV», «Флаги», на сайтах «Грёза», «Полутона», в антологии «Воздух чист... Книга русской и французской поэзии» (на русском и французском языках; Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018), в альманахе «Чёрные дыры букв», в поэтической антигазете «Метромост» (Нижний Новгород), самарских изданиях. Куратор ряда региональных литературных акций. Лонг-лист Премии Аркадия Драгомощенко (2019).

Александр УЛАНОВ (1963, Куйбышев) — поэт, переводчик, прозаик, критик. Закончил Куйбышевский авиационный институт, работает в Самарском национальном исследовательском университете им. С.П. Королёва. Доктор технических наук. Автор книг стихов и прозы «В месте здесь» (М.: НЛО, 2020), «Способы видеть» (М.: НЛО, 2012), «Перемещения +» (М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2007), «Междумы» (М.: Наука, 2006), «Волны и лестницы» (М.: АРГО-РИСК, 1997) и других, многочисленных переводов (в основном, современной американской поэзии) и около 400 статей и рецензий о современной литературе. Лауреат премии Андрея Белого за литературную критику (2009). Также автор текстов об арт-фотографии и живописи. Стихи переведены на английский, немецкий, французский, китайский и так далее.

Анастасия ХОМЕНКО (1995, Тольятти) — поэт, художник, переводчик, работает графическим дизайнером. Стихи и переводы опубликованы на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV.

Олеся ЧЕГАНОВА (1995, город Поронайск, остров Сахалин) — авторка, стихи публиковалась в альманахе «Чёрные дыры букв», сборнике «Центр Весны» (Саратов), на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV».

Александра ШАЛАШОВА (1990, Череповец) — поэт, прозаик, музыкант, выпускница Литературного института им. Горького (творческий семинар А.Е. Рекемчука, проза). Печаталась в журналах «Знамя», «Сибирские огни», на литературно-аналитическом портале «Цирк Олимп+TV». Второе место премии «Лицей» в поэтической номинации в 2019 году, первое место — в 2020. Вокалистка и автор текстов московской рок-группы «МореЖдёт», автор книги «Предприятие связи» (М.: Стеклограф, 2020).

Движение на грани стекла:

Антология самарской актуальной поэзии. – Самара: «Цирк «Олимп»+TV», 2020 – 102 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено: Виталий Лехциер (составление, редактура) Катя Сим (дизайн обложки, модератор выпуска) Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

ISBN 978-5-6044936-4-9

Подписано в печать 23.11.2020 Формат 60х90/16. Объём 3,25 печ. л. Гарнитура Minion

Тираж 200 экз.

Заказ № 169

Отпечатано в типографии ИПК «Квадрат» Белгородской область, Старый Оскол, Комсомольский проспект, 73 kvadrat1998@gmail.com